

И МЯ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА неизменно сопровождает вот уже три четверти века эпитетами, выражающими преклонение перед шаляпинским гением.

Еще никого из певцов не сравнивали с Шаляпиным, да, по существу, даже трудно себе представить, чтобы на оперной сцене или концертной эстраде выступил чародей, подобный ему.

Сотни легенд о Шаляпине давно уже стали достоянием меломанов. Из отдельных штрихов понемногу складывается его гигантский, неповторимый образ. Но в дни, когда мы празднуем 100-летие со дня рождения великого певца, хочется сказать только о самом главном. Вспомним, что в роскошном памятном альбоме, экземпляры которого дирекция миланского театра «Ла Скала» подносит своим почетным гостям, Эудженю Гара, воздав должное гостям, выступавшим на сцене этого прославленного театра начиная с 1778 года, признал, что «Федор Шаляпин стал чем-то большим, чем великий бас».

Слово «великий» применялось порой вполне заслуженно по отношению ко многим певцам разных национальностей. Но даже это слово оказалось недостаточным для характеристики Шаляпина, данной, подчеркнем это, итальянцем, по-

БОЛЕЕ ЧЕМ ВЕЛИКИЙ

Игорь БЭЛЗА, композитор, историк музыки

тому что их — великих — было не так уж мало, а он один. «Более чем великий» — эти слова принадлежат не экзальтированным слушателям, не людям, загипнотизированным «магической силой личности» Шаляпина, а авторитетному историку вокального искусства, написавшему их через восемь лет после того, как перестало биться сердце русского певца.

Скажем прежде всего о голосе. Шаляпин, как известно, пел не только басовые, но и баритоновые (включая лирические!) партии. Это позволяет говорить об огромном диапазоне его голоса. Но каждый слышавший певца хотя бы в записи понимает, что речь идет не только о диапазоне как таковом, но и о несравненном богатстве нюансов, о бесконечном количестве тембров — начиная от поистине металлического звона и грохота волн, так потрясшего Стасова в «Песне варяжского гостя» в «Садко» Римского-Корсакова, и кончая пленительной канти-

ленной «Персидской песни» Рубинштейна.

Такое эмоциональное богатство вокала опиралось у Шаляпина не только на вокальную технику, но и на доведенную до высшей степени совершенства культуру произнесения слова. Именно в связи с этим и следует сказать о национальной самобытности шаляпинского гения. Истоки ее восходят непосредственно к русской народной песне и русской классической музыке — от Глинки до ближайшего друга Шаляпина, его ровесника Рахманинова. Пушкинская поэзия, пушкинское слово, пришедшие во многие русские оперы и романсы, сыграли не меньшую роль в формировании творческого облика Шаляпина, чем русская музыка. Через всю необозримую литературу о Шаляпине проходят высказывания о его поразительной дикции — не только об отчетливом, отчетанном произнесении слова, но и о насыщении его интонациями, никем до этого не понятыми,

но крайне необходимыми для создания образа.

Шаляпинский жест органически сочетался с музыкой и словом. Царские облачения душили Бориса Годунова — и к последним словам его, к трагической музыке Мусоргского добавлялись судорожные движения пальцев, раздиравших эти одежды в последней попытке освободиться от власти, завоеванной кровью ребенка, призрак которого так страшно, вызывая чувство ужаса у всего зала, заклинал Шаляпин.

Но был еще один эпизод, запоминавшийся всем, кто присутствовал на представлении «Моцарта и Сальери» Римского-Корсакова. Когда застольная беседа идет уже к концу, Моцарт на фоне звучания почти всего (небольшого, правда) оркестра произносит знаменитые слова:

А гений и злодейство —
Две вещи несовместные.

Шаляпин, исполнявший роль Сальери, неожиданно вставал, вытягивая во весь свой гро-

манный рост и как бы нависая над намеченной им жертвой, с поистине демонической силой восклицал:

— Ты думаешь? —
и затем бросал яд в стакан Моцарта.

Эмоциональный диапазон Шаляпина был беспредельным. Он был шедшим на смерть во имя свободы Отчизны русским крестьянином Иваном Сусаниным, бесстрашным втязем Русланом, погружавшимся в невыразимо прекрасные раздумья о человеческой жизни, беспутным князем Владимиром Галицким, могучим и царственным Олоферном, истовым и мудрым летописцем Пименом. Краткие, но, как всегда, полновесные слова о шаляпинских Грозном и Годунове находим мы в «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова.

Воскрешая мысленно чреду созданных Шаляпиным образов, невольно задумываешься над трагедийной силой, поражающей во многих из этих образов и слу-

жащей неизменно одной цели — раскрытию их человечесости.

Всюду, где бы ни находилась, ни гастролировал Федор Шаляпин, он всегда ощущал свою кровную связь с культурой своего народа. Так было и в последние годы его жизни: вдали от родины, от той земли, прикасаясь к которой по возвращении из зарубежных поездок слезами счастья плакал Чайковский. Мысли Шаляпина постоянно устремлялись к ней. Он с любовью и гордостью по радиопередачам и газетам, по книгам и кинофильмам следил за преобразованием Советской России, радовался всему новому, что в ней создавалось и вершилось. Он никогда не разделял взглядов русских белоэмигрантов и отметал все их попытки сблизиться с ним. В письме из Нью-Йорка к дочери Ирине Шаляпин писал:

«Жалко мне их, этих бедных, убогих эмигрантиков. Никогда еще так ярко они не показывали мне свое ничтожество, и я думаю, что Россия совершенно ничего не потеряла с уходом из нее этих чучел с большими животами и маленькими головками!..»

Имя Федора Шаляпина неотделимо от русской и советской культуры.

(АПН).

В 140-й, «шаляпинской»

НА МЕСТЕ этого здания была сельская школа, построенная в 1907 году на средства А. М. Горького и Ф. И. Шаляпина, — мемориальная доска с такой надписью встречает нас у входа в 140-ю школу Приокского района. Несколькими годами ранее здесь был открыт единственный в стране школьный музей Ф. И. Шаляпина — филиал государственного литературного музея А. М. Горького.

Нижний Новгород занимал в жизни великого русского певца особое место. Здесь, в старинном городе на Волге, Шаляпин впервые выступил на сцене театра весной 1896 года. Было ему 23 года, и любителям оперной музыки его имя еще ничего не говорило. Правда, перед открытием гастролей оперной труппы, с которой приехал молодой певец, «Нижегородский листок» поместил небезынтересное сообщение.

«Был на репетиции одного оперного спектакля, — рассказывал «Листку» некий театрал. — Среди артистов я видел какого-то чудачка: длинный-предлинный, худой, в обтрепанном коротком пиджачишке, бегают по сцене, руками длинными машет. Но как запел... Что-то необыкновенное. Голос не-

слыханный. Бас феноменальный...»

Этот оперный спектакль, в котором Шаляпин исполнял роль Сусанина, принес ему шумный успех, став как бы первой ступенькой лестницы к мировой славе.

Интересны воспоминания нижегородской учительницы Н. Н. Адриановой, рассказавшей в 1958 году В. Коллару, автору широко известной книги «187 дней из жизни Шаляпина», о своих впечатлениях от выступления молодого певца:

«Я много раз присутствовала на оперных спектаклях с участием молодого Шаляпина в Нижегородском театре в 1896 году... Прежде всего, Шаляпин очаровывал нас своим прекрасным голосом, бархатным по тембру и чрезвычайно выразительным. На некоторых спектаклях я присутствовала по несколько раз. Это было особенно интересно и потому, что каждый раз Шаляпин играл по-новому. В одном спектакле он выходил на сцену из одной кулисы, а в другом — из противоположной. Или, например, арию Греммина он пел то сидя в кресле, то, прохаживаясь с Онегиным по сцене. Часто менял Ф. И. Шаляпин костюмы и грим, что вместе с каким-ни-

будь оттенком в пении и актерских жестах придавало совершенно другой характер образу, созданному им ранее. Все это было очень интересно, и мы, молодежь, с любопытством ожидали, как сегодня Шаляпин сыграет, скажем, роль Мефистофеля».

Спустя пять лет Нижний Новгород вновь увидел и услышал Шаляпина — теперь уже знаменитого артиста, за плечами которого были триумфальные выступления не только на родине, но и в миланском театре «Ла-Скала». Именно в этот свой приезд, в 1901 году, Шаляпин встретился с А. М. Горьким, который на многие годы стал его ближайшим другом и советником. Великий русский писатель посвятил певцу пламенные строки: «Федор Иванов Шаляпин: всегда будет тем, что он есть: ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она! — Русь, вот кто ее народ — дорогу ему, свободу ему!».

В одном из сентябрьских номеров 1902 года «Нижегородский листок» опубликовал информацию о благотворительном концерте артиста в ярмарочном театре. «После второго отделения, — пишет рецензент, — на сцене было устро-

ено чествование Ф. И. Шаляпина от учительского Общества. Учителем Г. Тиховым с двумя членами Общества был прочитан адрес следующего содержания: «Многоуважаемый Федор Иванович! Общество взаимопомощи учителей Нижегородской губернии избирает Вас почетным членом и поручило нам выразить Вам глубокую благодарность за то сердечное отношение к Обществу, какое Вы проявляете. Благодаря средствам, доставленным концертами Вашими, Общество получает возможность дать приют, а тем самым и необходимое образование значительно большему числу детей народных учителей, поставленных в весьма тяжелые материальные условия. Большое спасибо Вам, многоуважаемый Федор Иванович! Искренне желаем, чтобы Ваш могучий талант пробуждал в людях братские чувства».

Шаляпин произнес ответную речь:

«Дорогие друзья мои! Благодарю вас за привет, за честь, которые вы мне оказываете. Дети — это наша жизнь, дети — это наша светлая надежда, это будущее счастье людей. Я рад, что чем могу споспешествовать воспитанию детей...»

Старые нижегородцы, наверное, помнят одноэтажный бревенчатый домик в бывшей деревне Александровке, простоявший почти шестьдесят лет на том месте, где сейчас возвы-

шается здание 140-й школы. История «шаляпинской» школы в Александровке тоже очень любопытна. Вот что рассказывал, в частности, бывший учитель Г. Н. Степанов в своем докладе нижегородскому уездному земскому собранию. В 1902 году он задумал открыть в деревне школу для крестьянских ребятишек и попросил небольшую сумму на постройку школьного здания, но получил отказ. Тогда учитель обратился к А. М. Горькому, и тот сделал первый крупный взнос на строительство, а затем привлек к этому делу и Шаляпина. И в 1907 году школа, ютившаяся до того в холодном и непригодном для помещения, получила собственное здание.

В последующие годы певец также не забывал о своей «крестнице». Основатель Александровской школы Г. Н. Степанов, он же первый ее учитель, прямо говорил, что «средства, щедро предоставляемые попечителем... позволили устроить обстановку, напоминающую домашнюю: цветы, картины, бюсты писателей, новая классная мебель, предметы хозяйственного обихода, все возможное для соблюдения чистоты и пр». «По мысли жертвователей, совпадающей с моей собственной, — вспоминал Г. Н. Степанов, — «шаляпинская» школа должна была быть поставлена образцово и от обычного типа школ отличать-

ся широтой постановки: здание должно было обслуживать не только школу в точном ее смысле, но и должно было быть приспособлено для духовных интересов окружающего населения в свободное от занятий время...»

Теперь на месте деревни Александровки раскинулся один из крупных промышленных районов города Горького, а от бывшей «шаляпинской» школы сохранились лишь воспоминания старожил. Но память о великом певце сохраняется в школьном музее.

У активистов музея, его общественного директора — учительницы английского языка Елены Викторовны Максимовой, у всего коллектива 140-й школы, которую горьковчане по привычке называют «шаляпинской», горячие дни. С 18 января здесь проводится юбилейный месячник, посвященный Ф. И. Шаляпину. В школе собрано множество записей голоса великого певца. Сотрудники музея А. М. Горького смонтировали здесь систему дистанционного управления проигрывателями, которая позволяет по ходу экскурсии включать динамики и слушать удивительный шаляпинский голос.

И. ФРИДЛАНД.
(Соб. корр.).

г. Горький.